

ПОЧЕМУ?

Раздражающий персонаж

**Александр
ВОЛОДИН**

Долгие десятилетия меня поражало, до какой степени люди, занимавшие высокие, в том числе и государственные посты, не владели русской разговорной речью. Думается, так же и письменной. Представлялось, что в школе они числились отстающими учениками не только по грамматике, но и по другим предметам, что тогда, возможно, и зародилась естественная мальчишеская неприязнь к более способным сверстникам. С годами она могла перейти в неприязнь вообще к тем, кто подозрительно хорошо владеет устной речью и разнообразными знаниями. Должности и почетные звания руководящие люди стали охотнее предоставлять тем, кто был близок им по интеллектуальному уровню. Тут шел своеобразный подбор.

Сошлюсь на два однородных случая в работе для театра и кино.

Руководство возражало против финала злоключений героя в картине «Осенний марафон» Георгия Данелия. Почему?

— Мы же должны его наказать! А то придет в кино трудяга, смотрит — а у него две таких бабы, Гундарева и Неелова!

Отбились мы тем, что, мол, бабы все равно от него уйдут.

А пороки у него какие? Он не хочет никому причинить обиды, боли, а если уж причинил, то прежде всего, больше всего страдает от этого сам. По мягкости характера ему трудно противиться хитроумному давлению чужой воли. Он одаренный в своем деле человек. Все остальные в фильме — хуже его. Настырные, эгоистичные, по-своему безжалостные. Но эти — так подразумевалось и руководством, и критикой — в порядке. Наказать необходимо только его. Почему?

Длительное время спектакль «Назначение» в театре «Современник» находился под запретом, также из-за его героя.

— Лямин этот! Да разве такой может чем-либо когда-либо руководить!

А почему, думали мы, не может? Он входит в положение каждого из подчиненных. Он талантлив, за счет его ума и процветает бесталанный начальник. Он наладил работу с помощью того, что теперь мы называем человеческим фактором. Да много еще всего за ним. Почему же тех, кто руководил искусством, возмущал именно этот персонаж? Не потому ли, что чувствовали: если будут руководить такие, то что останется им?

Да и те мастера искусств, что подрядились подмалевывать декорации тусклой жизни, чувствуя настроения вы-

стоящих, стали относиться к интеллигенции так же. Это постепенно проникало и в народные массы. В трамвайном быте интеллигент был человек, который в шляпе и очках. А ведь термин «интеллигенция» в прошлом столетии перешел в другие языки именно с русского.

В иностранных словарях так и значится в скобках: (русск.).

В романе Дудинцева «Белые одежды» Дежкин не может избавиться от чувства давней детской вины. Это и подвигает его в конце концов на бой с мрачными силами, на подвиг. Не могу в нескольких хотя бы строках не остановиться на этом азартном произведении. Дудинцев, как рейфер, захватывает по пути все, что было метами времени, постыдного для одних, губельного для других. При нынешней привычке к торопливому чтению что-то может показаться излишним. Но, пожалуй, самое важное для писателя — стыд, совесть. Она может быть жалкой или одухотворяющей, а то и просто отсутствовать.

Немыслимо странное время нас формировало, я говорю о поколении, которому сейчас за сорок и много далее. Ошибки правительства, которые мгновенно забывались и тут же сменялись новыми. Одержимое преследование ложных целей. А жизнь должна была продолжаться. Она, однако, лишилась духовного и эмоционального опыта, который выработало человечество. Эту искаженность основ жизни, может быть, бесстрашно вынесли бы люди первобытные. Для нас же, современных, она оказалась губительной. Подавлены были нормальные человеческие чувства — протест, возмущение, естественные радости жизни, свободное состояние духа. Я говорю не обо всех, но исключения, о которых мы узнаем сегодня, известны по именам.

Время умнеет. С людьми стали говорить осмысленно. В ответ те, что долгие годы молчали, словно и они смолodu были недоучены, начинают говорить искренне, трезво судить о государственных делах, о будущем человеческого рода. Все определеннее заявляет о себе нравственный тип человека одухотворенного, способного чувствовать свою вину, принять на себя долг, от которого ничего не стоило бы и уклониться. Однако и сейчас такой человеческий тип кое-кого не устраивает.